

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

На полу в нелепой позе сидел мужчина. Дюнуа дотронулся до его руки, чтобы прощупать пульс, но биений не было. Хотя можно было и не проверять. И так ясно, что мужчина мертв – кто-то перерезал несчастному горло...

Чингиз Абдуллаев

Прайс-лист
для издателя

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Прайс-лист для издателя

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Прайс-лист для издателя / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012 — (Дронго)

Всемирно известный эксперт по вопросам преступности Дронго приглашен на книжную ярмарку во Франкфурте – его попросили представить общественности скандальную книгу о наркоторговцах. Но накануне презентации эксперт случайно обнаруживает в туалете павильона тело мужчины с перерезанным горлом. Немецкая полиция, узнав, кто такой Дронго, сразу же привлекает его к расследованию. Убитым оказался мелкий издатель из Майнца. Однако быстро выяснилось, что, в недавнем прошлом гражданин Сербии, он участвовал в войне на Балканах. Дронго уверен: преступление как-то связано с боевым прошлым убитого. Он также уверен, что быстро найдет убийцу. Но он еще не знает другого: в этот раз убийцу лучше не искать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Прайс-лист для издателя

Три пути есть у каждого человека – чтобы разумно поступить. Первый, самый благородный, – размышление, второй, самый легкий, – подражание, третий, самый горький, – опыт.

Конфуций

Люди бежали бы друг от друга, если бы всегда видели друг друга совершенно открыто.

Иммануил Кант

Глава 1

Телефонный звонок раздался в половине десятого утра. Он проснулся и недовольно поморщился. Кому пришло в голову звонить в такое время? Самое поразительное, что он почти всегда просыпался за несколько секунд до подобных звонков, словно предчувствуя их громкий сигнал. Это было удивительное свойство интуиции. После третьего звонка включился автоответчик, который сообщил, что позвонивший может оставить свое сообщение. И почти сразу неизвестный на английском языке заявил, что хотел бы переговорить с господином экспертом и поэтому решил побеспокоить его, позвонив на домашний номер.

Услышав его английский, Дронго все понял. Любой человек, хорошо знающий язык, – почти мгновенно отличал англичанина от американца. Стало понятно и время звонка. В Соединенных Штатах, на Западном побережье, сейчас половина десятого вечера вчерашнего дня, тогда как в Лондоне только половина шестого сегодняшнего утра.

Позвонивший сообщил, что является представителем известного американского издательства «Саймон энд Саймон» из Лос-Анджелеса и хотел бы просить господина эксперта найти возможность перезвонить ему или каким-то образом с ним связаться. Он представился мистером Арчибальдом Брестедом и добавил, что имеет конкретное предложение к своему собеседнику. Разговор закончился, позвонивший положил трубку.

Дронго поднялся и пошел в ванную комнату. Интересно, что могло понадобиться от него американскому издательству? И как они смогли узнать его бакинский номер? Хотя кто-то говорил, что в Интернете можно найти даже его номера городских телефонов в Баку и в Москве. Хорошо, что нигде нет номера телефонов его дома в Риме, где живут Джил с детьми. Он столько лет так старательно прячет само их существование ото всех журналистов и просто своих знакомых. Номера их телефонов знают только несколько человек, которым он безусловно доверяет.

Нужно будет посмотреть, чем занимается это американское издательство и почему они решили обратиться именно к нему. Через некоторое время он уже вошел на сайт издательства, внимательно ознакомился с тематикой изданных книг и обратил внимание, что к октябрю месяцу издательство «Саймон энд Саймон» решило выпустить новые книги о международной наркомафии и терроризме. Двухтомник должен быть представлен общественности сначала в Чикаго, а затем во Франкфурте на 63-й книжной ярмарке. Очевидно, в издательстве сочли возможным обратиться к нему для участия в подобной презентации.

Дронго взглянул на часы. Сейчас уже полдень, а в Лос-Анджелесе глубокая ночь. Поэтому лучше звонить ближе к вечеру, когда там будет утро. Каждый раз, когда он оказывался в Баку или в Москве, его немного раздражала разница во времени – даже с относительно близкими странами Европы. Ходили слухи, что Россия и Азербайджан готовы отказаться от

перехода на летнее время, а это означало, что у Баку даже с Лондоном будет пятичасовая разница, что весьма ощутимо.

После полудня позвонил из Москвы его напарник и друг – Эдгар Вейдеманис. Он был его многолетним напарником. Когда-то Дронго спас жизнь Вейдеманису, и с тех пор их связывала крепкая мужская дружба.

– Тебя ищут представители американского издательства, – сообщил Эдгар.

– «Саймон энд Саймон»? – уточнил Дронго.

– Ты уже знаешь?

– Они звонили мне сюда.

– Мне передали, что они ищут тебя и в Москве. Видимо, ты им срочно понадобился.

– Не знаешь – зачем?

– Понятия не имею. А вдруг хотят издать книгу твоих приключений? – пошутил Вейдеманис.

– Только этого не хватало, – проворчал Дронго. – Между прочим, приключения Шерлока Холмса описывал его друг и напарник доктор Ватсон. Может, тебе тоже стоит подумать о писательской стезе?

– У меня для этого нет таланта, – ответил Эдгар, – но вообще это – интересная идея. Представляю, сколько полезного смогут почерпнуть будущие следователи и сыщики из твоих расследований. Нужно обобщать передовой опыт...

– Меня и так знает неприличное количество людей. А для эксперта по вопросам преступности популярность – не самое лучшее для работы, – напомнил Дронго.

– Когда собираешься в Москву?

– Завтра, наверное. Дневным рейсом.

– Я тебя встречу. Мы приедем с водителем в аэропорт.

– Хорошо. Я сегодня вечером перезвоню в это американское издательство и постараюсь узнать, зачем я им понадобился.

Закончив разговор, Дронго снова прошел в ванную комнату, чтобы побриться. Взглянул на себя в зеркало. Некоторые знакомые утверждают, что за последние годы он практически не изменился. Конечно, он старается держать себя в привычной физической форме, не поправляться, не распускаться, хотя понятно, что выглядит совсем не так, как в тридцать лет. Дронго задумался. Двадцать лет назад никто даже не мог предположить, что ждет их в будущем. Тогда нарастали процессы общего распада, развала, было ощущение неизбежной вселенской катастрофы. И это ощущение в течение двадцати лет воспринималось некой прелюдией к тому невозможному и страшному сценарию, который творился у них на глазах. Мир словно готовил себя к вселенским потрясениям, к политическим, финансовым, экономическим и природным катастрофам.

Вечером Дронго перезвонил в Лос-Анджелес и сразу услышал голос звонившего ему Брестеда. Он представился и поинтересовался, почему его ищут сотрудники американского издательства.

– Мы подготовили два тома очень интересных исследований по международной наркомафии и терроризму, где пытаемся проследить взаимосвязь этих явлений. И нам сказали, что вы являетесь одним из самых известных международных экспертов по проблемам преступности.

– Кто вам сказал?

– В специальном комитете экспертов ООН, – любезно сообщил мистер Брестед. – У нас должна состояться презентация этих книг сначала в Чикаго, а затем во Франкфурте, на международной книжной ярмарке. Обычно мы не участвуем в этих традиционных выставках, там всегда много рекламы и мало конкретных дел, поэтому мы предпочитаем завязывать наши отношения напрямую, минуя все эти ярмарки и выставки, но в данном случае для подобных

книг сделали исключение. Мы уже послали заявку на аренду и участие нашего издательства в предстоящей франкфуртской ярмарке.

– Очень хорошо. Вы хотите, чтобы я принял участие в вашей презентации?

– Да, во Франкфурте. Разумеется, мы оплатим вам дорогу, пребывание и проживание в отеле. Ярмарка открывается двенадцатого октября и закрывается шестнадцатого. Наша презентация состоится четырнадцатого. Поэтому на все четыре дня вам будет заказан номер в отеле и оплачены все расходы, если, конечно, вы согласитесь.

– Прежде чем дать согласие, я должен прочитать эти книги и узнать, что именно там написано.

– Безусловно, – согласился Брестед. – Мы немедленно вышлем вам два сигнальных экземпляра. Куда их послать? В Москву или в Баку?

– В Москву. Я буду там завтра.

– Хорошо. Книги на английском языке. Судя по нашему разговору, вы свободно владеете английским. Сколько вам нужно времени на ознакомление с книгами? Там по шестьсот страниц.

– Ничего, я прочту их за три дня. Этого мне вполне достаточно.

– Тогда договорились. Я хотел вам сказать, господин Дронго, что мы считаем за честь пригласить такого известного эксперта, как вы, на презентацию наших книг.

– Спасибо. Тогда через три дня после получения бандероли я дам вам конкретный ответ. А кто составитель сборника?

– Там группа авторов. Ведущим экспертом был Пьер Дюнуа, бывший руководитель специального комитета экспертов ООН. Он и предложил вашу кандидатуру для презентации книг в Германии.

– Дюнуа? – изумился Дронго. – Сколько ему сейчас лет? Он ведь намного старше меня.

– Да, старше. Ему уже за семьдесят.

– И он был ведущим экспертом вашего сборника? – переспросил Дронго.

– Он и еще группа авторов. Вы хотите, чтобы я назвал вам все фамилии?

– Нет, в этом нет необходимости.

– В каком смысле? – не понял Брестед.

– Если вашим ведущим специалистом по составлению сборника был профессор Пьер Дюнуа, то мне необязательно читать эти книги, чтобы дать вам согласие. Я заранее согласен. А книги можете прислать просто для повышения моего кругозора.

– Благодарю вас, – обрадовался Брестед. – Книги вышлем прямо сегодня. Значит, можно заказывать вам билеты и место в отеле?

– Да, я согласен. Надеюсь, это не займет больше четырех дней?

– Ни в коем случае. Вы можете уехать даже пятнадцатого, если хотите.

– Тогда договорились. Дюнуа примет участие в презентации?

– Он обещал. Но пока мы не знаем, как он будет себя чувствовать, все-таки возраст...

Хотя другие авторы обязательно будут.

– Было бы неплохо, если бы он приехал во Франкфурт.

– В этом случае наши желания абсолютно совпадают. Но мы не можем ничего гарантировать.

– Я понимаю, – согласился Дронго.

– Вы можете отправить нам по электронной почте ваши банковские реквизиты и электронный адрес, чтобы мы переслали билеты и деньги на счет? – уточнил Брестед.

– Сначала пришлите ваш адрес на мой телефон. Или можно выслать сообщение на ваш сайт?

– Нет, я лучше пришлю вам свой электронный адрес. Во Франкфурте вас будет встречать наш новый начальник службы безопасности мистер Уотсон, – сообщил американский издатель.

Дронго попросался и положил трубку. Поразительно, что Дюнуа еще жив. Они познакомились в конце восьмидесятых. Ну да, все правильно, уже тогда Пьер был далеко не молод. Дронго и тридцати еще не стукнуло. Прошло столько лет... Будет интересно с ним встретиться.

На следующий день он вылетел в Москву, а уже к вечеру второго дня получил обещанную бандероль. Чтение сразу захватило его, он перелистывал страницы с нарастающим интересом. Книги были созданы на основе огромного количества документов и фактов, собранных сразу несколькими ведущими экспертами, и подтверждались финансовыми документами, попавшими в распоряжение группы авторов. Ему понравилось такое тщательное исследование, проведенное авторами. Чем больше Дронго вчитывался в подборку документов и сведений, тем больше понимал замысел создателей этих книг. Такой объем информации можно было собрать только с помощью первоклассной спецслужбы – либо ЦРУ, либо английской МИ-5. Более того, книги выпущены именно с таким расчетом, чтобы все приведенные в них факты стали достоянием общественности. Очевидно, это был очень хорошо рассчитанный удар по крупным финансовым структурам, связанным с мафией и террористическими организациями. Отдельные материалы и сведения уже начали публиковаться в различных по-пулярных изданиях, чтобы вызвать к книгам еще больший интерес. А презентация во Франкфурте вызовет достаточно громкий скандал. Чем больше Дронго знакомился с фактами, тем очевиднее становился этот вывод.

Деньги поступили на его счет; заодно ему сообщили, что с двенадцатого октября на его имя заказан номер в отеле «Марриотт». Во время проведения ярмарки цены в нем взлетали в несколько раз. Было несложно догадаться, что эти книги, являющиеся скорее научными трудами, чем обычной беллетристикой, не смогут собрать миллионных тиражей и обеспечить окупаемость и прибыль. Отсюда следовало, что их издание было для американского издательства скорее политической акцией, чем коммерческой.

Вечером Дронго рассказал Вейдеманису о книгах и предложении издательства. Вспомнил Пьера Дюнуа, которого не видел уже много лет.

– Если не предполагается ничего опасного, ты можешь лететь туда один, – высказался Вейдеманис.

– На презентациях книг обычно не убивают гостей и консультантов, – пошутил Дронго. – Книжная ярмарка – единственное место в мире, где собираются люди, далекие от преступлений. Я просмотрел сообщение о готовящейся традиционной франкфуртской ярмарке. В ней участвуют более ста десяти стран. Такое количество государств и издательств впечатляет. Это самая крупная книжная ярмарка, и даже интересно там побывать не в качестве гостя, как уже было дважды, а в качестве эксперта.

– Кроме тебя, там будут другие эксперты?

– Этого я не знаю. Дюнуа уже под восемьдесят, и, возможно, он не сумеет приехать.

– Может, мне все-таки лучше полететь с тобой? – предложил Эдгар.

– Что случится со мной в цивилизованной Германии, да еще на книжной ярмарке? Ты знаешь, как тщательно немцы охраняют свои мероприятия. Там наверняка будут сотни и тысячи офицеров полиции, службы безопасности, контрразведки и тому подобных ведомств. За столько лет во Франкфурте не было ни одного серьезного ЧП, все проходит под плотным надзором немецких правоохранительных служб.

– Не уговаривай меня, – мрачно проговорил Вейдеманис, – я тебя слишком хорошо изучил. Ты моментально ввязываешься в любое расследование, охотно предлагаешь свои услуги и в результате в очередной раз подвергаешь себя серьезной опасности.

– На этот раз рядом со мной будет несколько серьезных экспертов, – напомнил Дронго.

– Это меня мало успокаивает, – буркнул Эдгар, но не стал больше спорить.

Через восемь дней, ранним утром двенадцатого октября, Дронго вылетел во Франкфурт из Москвы.

В аэропорту его встречал сотрудник издательства. Это был высокий человек лет тридцати пяти с внимательным взглядом и хорошей спортивной фигурой. Он стоял и ждал, пока Дронго сам не подойдет к нему, а когда тот оказался рядом, коротко представился:

– Уотсон, я от мистера Брестеда.

Дронго кивнул. Уотсон забрал его чемодан и положил в багажник своего «Ауди». Затем предложил садиться и сообщил:

– Для вас заказан номер в «Марриотте», мы едем прямо туда.

– Вы давно работаете в издательстве «Саймон энд Саймон»? – поинтересовался Дронго.

– Нет, – односложно ответил Уотсон, не вдаваясь в подробности.

– Неужели вы редактор или корректор?

– Я – новый руководитель службы безопасности издательства, – пояснил Уотсон, взглянув на Дронго без всяких эмоций.

– А где старый?

– Он погиб в автомобильной катастрофе два месяца назад.

Больше не было произнесено ни слова. Через тридцать минут Дронго уже разместился в номере люкс отеля «Марриотт», а в полдень, переодевшись и приняв душ, направился к основному входу на ярмарку. Среди прочих документов в номере лежал специальный электронный пропуск гостя. Показав свой пропуск, который приложили к считывающему устройству, эксперт прошел дальше. Открытие было намечено на полдень двенадцатого октября. В первые дни посторонних на ярмарку не пускали, здесь работали только профессионалы, заключая контракты, подписывая соглашения, покупая авторские права. На входе его увидел Уотсон и проводил к экспозиции их издательства.

У павильона самого издательства «Саймон энд Саймон» нервно вышагивал коренастый, полноватый мужчина лет шестидесяти. Густые вьющиеся каштановые волосы, крупные глаза, немного навывкате, мордастое лицо, большая родинка на щеке, полные губы. Он протянул свою пухлую ладошку гостю.

– Арчибальд Брестед.

– А меня обычно называют Дронго, – сказал гость, пожимая ему руку. – Мистер Дюнуа не смог приехать?

– Приехал, – радостно кивнул Брестед, – и скоро должен здесь появиться.

Глава 2

Торжественное открытие ярмарки состоялось в полдень. На нем выступили официальные лица, пожелавшие успехов очередному празднику книги, и все разошлись по своим залам и секциям. В секциях четыре и четыре-один, расположенных на двух этажах, были представлены в основном европейские издательства, хотя среди них «затесались» и несколько из латиноамериканских стран. Рядом с экспозициями аргентинских и бразильских издательств находилось и представительство издательства «Саймон энд Саймон», у которого уже толпились немецкие журналисты. Завтрашняя презентация обоих томов обещала стать событием. Многие уже успели ознакомиться с отрывками из этих книг на страницах различных журналов и газет и понимали, насколько сенсационным станет обнародование связей различных финансовых структур с группами наркомафии и террористическими организациями.

Дюнуа прибыл на ярмарку ближе к двум часам дня. Он сильно изменился за прошедшие годы. Редкие седые волосы, худощавое лицо, внимательный взгляд. Раньше это был пухлый моложавый сорокалетний человек, а сейчас перед Дронго стоял уставший старик.

Они долго стояли обнявшись. Дюнуа был на две головы ниже, и сцена выглядела несколько комичной, когда высокий широкоплечий Дронго обнимал своего пожилого друга, смешно наклоняясь к нему. Они молчали несколько минут, и Дюнуа вспоминал, как тяжело ранили тогда его молодого коллегу и тот чудом выжил после известных событий в конце восьмидесят восьмого года. Затем профессор представил Дронго сопровождающую его молодую женщину. Долговязая, худощавая, в очках, она строго посмотрела на молодого коллегу Дюнуа. На вид ей было около тридцати.

– Фройляйн Мадлен Зудхоф, мой гид и сопровождающий меня по Германии представитель издательства.

– Здравствуйте, – протянул руку Дронго, – очень приятно с вами познакомиться.

– Презентация назначена на четырнадцатое число, – напомнила фройляйн Зудхоф, совершенно не склонная поддержать его шуточный тон.

– Я об этом помню, и мне приятно, что среди прибывших сюда сотрудников такого известного американского издательства есть и очаровательные дамы, – попытался сделать комплимент Дронго.

– Оставьте ваше обаяние для предстоящей презентации, – посоветовала Мадлен, протягивая ему руку. Рукопожатие оказалось сухим и коротким. Дронго явно с самого начала не понравился ей. Интересно, что она имеет против него?

– Я уточню наше расписание на завтра, – напомнила фройляйн Зудхоф, обращаясь к Дюнуа.

– Да, конечно, – согласился тот, – а мы пока посидим в кафе.

В маленьком уютном кафе повсюду стояли небольшие столики. Одновременно с кофе и чаем выдавались и жетоны, вернув которые вместе с чашками можно было получить свои деньги, заранее вносимые как залог за посуду. Поэтому многие посетители кафе забирали чашки к своим экспозициям.

Они присели за свободный столик. Дюнуа взял себе кофе, Дронго предпочел зеленый чай.

– Не устал от своей славы? – добродушно спросил профессор. – Тебя ведь считают одним из лучших экспертов в мире. Кто мог подумать, что молодой парень, каким ты тогда был, со временем превратится в знаменитого сыщика...

– Вы меня перехвалите, – смутился Дронго.

– Не думаю. Дело не в твоих невероятных способностях или большой славе. Дело в твоей работе. Ты сумел разоблачить несколько сотен негодяев разных мастей, насильников,

убийц, преступников – значит, сделал гораздо более удобным наш мир, избавляя его от подобной нечисти. Даже если бы ты поймал и разоблачил только одного такого преступника, то и тогда мог бы считать свою жизнь вполне удавшейся. Кажется, в Торе говорится, что, спасая жизнь одному человеку, ты спасаешь весь мир. А сколько людей ты спас или скольким помог, можно сосчитать? Так что ты вполне заслужил свою славу. И это не слава популярного певца или талантливого спортсмена. Это признание заслуг известного сыщика, который делает мир немного лучше... По-моему, я ударился в патетику, – рассмеялся Дюнуа.

– Мне тоже показалось, что вы несколько преувеличили мои заслуги. Секрет в том, что я не умею делать ничего другого. Если бы я умел петь, рисовать или играть в футбол, то, наверное, занимался бы чем-то иным.

– Значит, это твое призвание, – добродушно заметил Дюнуа. – Ты успел прочесть книги?

– Конечно, успел.

– Что об этом думаешь?

– Откровенно?

– Конечно.

– Очень хорошо рассчитанная акция крупной спецслужбы, – сказал Дронго. – Слишком много фактов и документов, особенно финансовых, даже для такой компетентной группы, как ваша. Собрать такие материалы просто не под силу никаким авторам. Да и наши приглашения на эту презентацию с проживанием в «Марриотте» и билетами первого класса явно не укладываются в бюджет. Это ведь не «Код да Винчи» и не книги о Гарри Поттере, которые могут окупить подобные затраты. К тому же я специально посмотрел, сколько было публикаций, посвященных этим двум томам, за последние месяцы. Сто четырнадцать публикаций. Сто четырнадцать! Не было практически ни одного серьезного журнала или газеты, который бы не напечатал отрывки из них. Такой тщательно и профессионально подогреваемый интерес...

Дюнуа спокойно его выслушал и, поправив очки, спросил:

– Каков же вывод?

– Двухтомник издается в интересах ЦРУ или другой крупной спецслужбы. И все факты, приведенные в нем, наверняка проверены и перепроверены. Именно эти финансовые структуры, указанные в книгах, нужно было обвинить в связях с террористическими организациями и наркомафией. Прикрываясь при этом вашим громким именем...

– И твоим, – добавил Дюнуа.

– Да, и моим, – кивнул Дронго.

– Тогда зачем ты согласился, если все так правильно просчитал?

– Во-первых, мне назвали ваше имя. Для меня это гарантия порядочности и надежности. Во-вторых, я успел внимательно прочесть обе книги и почти со всеми выводами, сделанными в них, согласен. Наконец, в-третьих. Если таким образом я смогу помочь вам изобличить несколько банкиров и олигархов, делающих свои деньги на крови людей, то буду считать, что не напрасно сюда приехал. Как вы сейчас сказали – мир станет немного лучше, так?

Дюнуа усмехнулся. Снова поправил очки.

– Значит, через два дня будет большой скандал, в котором мы все примем участие. Я предполагал, что ты все поймешь, но меня попросили выбрать самого лучшего эксперта для презентации этих книг, и я предложил твою кандидатуру. Ты всегда был достаточно независимым и честным, чтобы бояться обвинений в лоббировании чьих-то конкретных интересов.

– Судя по немецкому языку мистера Уотсона, который встречал меня в аэропорту, в самом издательстве тоже работают не совсем обычные книгоиздатели.

– Идем посмотрим книги, – предложил Дюнуа, – иначе мы с тобой можем наговорить кучу глупостей. А среди журналистов наверняка есть и такие, кто готов нас незаметно подслушать и выложить огромные деньги за нашу беседу.

Они поднялись и направились к экспозициям, находящимся в двух больших залах. На четвертом этаже, прямо у входа, располагалась большая экспозиция России, где были представлены популярные российские издательства. Дюнуа прочел их длинный список, посмотрел на выставленные образцы книг и обернулся к Дронго:

– Насколько я понимаю, ты должен хорошо знать русский язык. Это ведь основной язык вашей бывшей империи.

– И не только поэтому, – улыбнувшись, пояснил Дронго. – Национальные литературы благодаря русскому языку выходили в большой мир, и наоборот, большая литература приходила в национальные республики благодаря русскому языку. Я вообще полагаю, что в мире сегодня только пять основных литературных языков, остальные не играют такой роли...

– Интересно, – пробормотал Дюнуа, – какие именно?

– Английский, испанский, французский, русский, немецкий, – перечислил Дронго. – Любой автор, состоявшийся в одном из этих пяти языков, может считать себя достаточно известным и популярным писателем. Другие явно выпадают из этого списка, даже китайский, с их великой литературой и философией, на котором говорят полтора миллиарда человек, и хинди, и арабский, и японский. К великому сожалению, это правда. В мире остается все меньше языков. Английский вообще доминирует повсюду, но остальные четыре языка по-прежнему достаточно актуальны.

– Забавные наблюдения, – задумчиво произнес Дюнуа. – Я русского не знаю, остальные же четыре языка для меня не проблема. Мои родители из Эльзаса, а там традиционно знали не только французский, но и немецкий. Так как я слишком долго работал в Америке, то хорошо знаю не только английский, но и испанский. А вот русский – наиболее сложный, мне так и не удалось им овладеть.

– А я всю жизнь переживаю, что не владею французским, – признался Дронго.

Они шли мимо стендов с российскими книгами, и Дюнуа предложил:

– Пойдем на следующий уровень, где находится «Саймон энд Саймон».

В зале четыре-один, находившемся на верхнем этаже, располагался не только стенд этого американского издательства, но и экспозиции многих европейских издательств; из Турции, из Греции, из бывших югославских республик. Первая экспозиция была посвящена Сербии и сербским издательствам, перед ней стояла фигура нобелевского лауреата писателя Иво Андрича. Дальше шли издательства Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Черногории. В глубине зала находились большие экспозиции Бразилии и Аргентины, а уже за ними – и стенд американского издательства «Саймон энд Саймон».

Около стенда, кроме самого Брестеда, постоянно дежурили трое или четверо молодых людей очень характерной наружности, напоминающие охранников. Брестед разговаривал с Уотсоном, молодым человеком, который встречал Дронго в аэропорту. В беседе участвовала и фройляйн Зудхоф. Дюнуа и Дронго подошли к ним, и Уотсон сразу тактично отошел, давая им возможность переговорить.

– Вы уже успели осмотреть наши залы? – поинтересовался Брестед.

– Немного, – ответил Дронго.

– В таком случае советую пройти дальше. Можно направиться в три-ноль и три-один. Эти залы в соседнем здании, и там много современных издательств из Германии; есть книги и на английском языке.

– Обязательно пойдем, – согласился Дронго. – А кто еще должен приехать на нашу презентацию?

– Герр Йорг Дрейфель, он бывший высокопоставленный сотрудник немецкой БНД, и мистер Стивен Хейнс, работал в Агентстве национальной безопасности и...

– Мы знаем мистера Хейнса, – быстро перебил его Дюнуа, – не нужно об этом говорить, нас могут услышать.

Брестед понимающе кивнул и замолчал.

– Кто это такой? – заинтересовался Дронго.

– Один из лучших специалистов АНБ, – тихо пояснил Дюнуа, – вся закрытая информация была получена от них. Он должен был уже приехать. Я его лично неплохо знаю уже много лет. Он абсолютно помешан на своей работе. На нашей работе, – поправился он.

– Такое количество экспертов на две книги, – пробормотал Дронго. – Может, мне вообще бросить свою работу и заняться книгоиздательством?

Все трое рассмеялись, только Зудхоф продолжала стоять с непроницаемым видом.

– Чем я могу быть вам полезен? – вежливо спросил Брестед.

– Спасибо, нас все устраивает – ответил Дюнуа. – На презентации будет кто-нибудь из официальных лиц?

– Обязательно. Должны приехать сотрудники городской полиции и федерального ведомства, а также трое федеральных депутатов. Между прочим, один из них – турок, представитель партии «зеленых».

– Сколько книг вы заказали?

– Сюда – только пятьсот, – признался Брестед, – и очень надеюсь, что их нам не хватит. Во всяком случае, мы отпечатали первый тираж в десять тысяч экземпляров, и они разошлись почти мгновенно. Но это было в Америке, где многие покупают подобные книги, а не в просвещенной Европе, где, кажется, уже давно поняли все, что касается действий многих банков и банкиров, готовых ради своей прибыли пойти на любые преступления.

– Идемте в другие залы, – предложил Дронго, – интересно посмотреть и экспозиции немецких книгоиздателей.

– Мне пойти с вами? – обратилась к Дюнуа Зудхоф.

– Не беспокойтесь, – ответил тот, – я неплохо владею немецким языком, а здесь заблудиться достаточно сложно. Лучше пока отдохните и выпейте кофе. Что у нас на завтра?

– Утром вы встречаетесь с журналистом из «Франкфуртер рундшау», а днем запланирована встреча с корреспондентом Эн-би-си, – напомнила Мадлен.

– Нужно отработать свою поездку и свой гонорар, – пошутил Дюнуа. – Тогда мы пройдем в другие залы и посмотрим на продукцию местных книгоиздателей.

Вместе с Дронго они пошли по длинным коридорам, связанным эскалаторами и лестницами с залами, где находились экспозиции других стран и издательств. Повсюду сновали люди, чем-то неуловимо похожие друг на друга. Это были агенты и представители издательств, в обязанности которых входило искать новые контакты и контракты на ярмарке, заводить полезные знакомства, готовить все материалы к оформлению предварительных и долгосрочных договоров, рекламируя собственную продукцию.

– Настоящий Вавилон, – улыбнулся Дюнуа. – Здесь говорят на всех мыслимых языках мира.

– Это самая известная и крупная книжная ярмарка, – заметил Дронго.

– Да, я знаю. Даже в Чикаго бывает гораздо меньше издательств. Видимо, причина в океане, отделяющем американцев от Европы. Настоящая культура и литература все-таки евроцентричны, здесь ты абсолютно прав.

У немецкой экспозиции толпилось особенно много людей. Сразу две большие группы школьников прошли к стендам издательств, выпускающих фантастику и приключения. Детей специально привозили из школ, чтобы они могли ознакомиться и выбрать для себя книги, которые затем продавались их родителям с большой скидкой. Все было сделано для того, чтобы привлечь к чтению как можно больше молодежи.

Дюнуа внимательно просмотрел несколько книг, переведенных с английского, и удовлетворенно кивнул:

– Очень хорошие переводы.

– В Германии есть институт Гёте, который занимается пропагандой немецкого языка и литературы, – объяснил Дронго, – и переводом других книг на немецкий. Французы и немцы чувствуют, что сильно отстают от англофонов, и делают все, чтобы занять в книжном сегменте как можно большие ниши. Правда, до английского они явно не дотягивают, но по-прежнему остаются основными языками не только Европы.

Они ходили около часа, пока не решили повернуть обратно.

– Нужно зайти куда-нибудь и пообедать, – предложил Дронго.

– Не смогу, – ответил Дюнуа, – просто не успею. Сегодня в пять часов вечера я встречаюсь с начальником городской полиции Хайнцем Фюнхауфом. Мы с ним знакомы уже много лет. Кстати, он тоже одно время работал с нашим комитетом экспертов, еще до тебя, в середине восьмидесятых. Он тогда был юрким, энергичным молодым человеком с огненно-рыжими волосами. Сейчас ему уже за пятьдесят, и давно уже поседел...

Они спустились на эскалаторе к зданию, в котором находилась экспозиция американского издательства.

– Нужно еще найти туалет, – смущенно проговорил Дюнуа, разглядывая таблички на дверях, – не забывай, сколько мне лет. Я сегодня весь день пью кофе. Уже больше пяти чашек выпил.

– Туалеты были при входе в зал, с правой стороны, – вспомнил Дронго.

– Не сомневался, что ты запомнил все входы и выходы из нашего зала, – рассмеялся Дюнуа.

Они пошли к четвертому залу, где с левой стороны был гардероб, а с правой к туалетам вела лестница. Когда они спустились, дверь туалета резко распахнулась, и оттуда вышел молодой мужчина. Выше среднего роста, полноватый, в кожаной куртке и джинсах. Он как-то растерянно посмотрел на них и даже не придержал дверь, чтобы дать возможность зайти внутрь.

– Слишком задумчивый молодой человек, – пробормотал Дюнуа.

В мужском туалете никого не было. Дюнуа поспешил войти в одну из кабин, а Дронго подошел к раковине, чтобы помыть руки. Выдавлив жидкое мыло, он машинально посмотрел в зеркало и вдруг увидел в нем отражение всех кабинок. Из крайней, находившейся у окна, вытекала на пол какая-то жидкость. Дронго брезгливо поморщился. Стараясь не смотреть в ту сторону, он вымыл руки и стал терпеливо ждать Дюнуа. Тот вышел, подошел к умывальнику и тоже увидел струю, вытекавшую из крайней кабинки. Только в отличие от Дронго не стал отворачиваться, а пошел прямо к ней. Подходя ближе, он наклонился и уверенно произнес:

– Это – кровь. – Взглянув на Дронго, профессор ударом ноги открыл дверцу крайней кабинки.

На полу в нелепой позе сидел мужчина. Дюнуа дотронулся до его руки, чтобы прощупать пульс, но биений не было. Хотя можно было и не проверять. И так ясно, что мужчина мертв – кто-то перерезал несчастному горло.

– Вот такая история, – тихо проговорил Дюнуа. – Кажется, с герром Фюнхауфом мы увидимся гораздо раньше, чем предполагали...

Глава 3

– Нужно вызвать полицию, – сказал Дронго, продолжая рассматривать убитого.

– Если хочешь, я останусь здесь, а ты иди и сообщи обо всем организаторам ярмарки, – предложил Дюнуа.

– Лучше, если это сделаете вы, – возразил Дронго, – вы знаете немецкий язык и сможете быстрее все объяснить.

– Тогда не пускай сюда никого, – бросил Дюнуа, быстро выходя из туалета.

Дронго наклонился к убитому. На вид ему где-то под пятьдесят. Мужчина достаточно высокого роста, волосы тронуты сединой, глубокий шрам у левого глаза. Достав носовой платок и стараясь не менять положения тела погибшего, Дронго осторожно проверил его карманы. Кажется, документы и бумажник во внутреннем кармане, они явно прощупывались сквозь ткань пиджака. Выходит, это не ограбление. Хотя любой убийца должен был понимать, как сильно рискует, зайдя сюда и перерезав человеку горло. Очевидно, он зашел вслед за жертвой.

Дронго посмотрел на обувь погибшего – довольно известная итальянская фирма. И костюм известной французской компании. Убитый был достаточно обеспеченным человеком. Эксперт осторожно приподнял рукав рубашки. Часы «Richard Mille». Эта модель стоит чуть больше одиннадцати тысяч евро, или примерно пятнадцать тысяч долларов. И убийца не забрал эти часы. Да, это преступление, совершенное, видимо, в силу каких-то других факторов, нежели жажда наживы. Ни один грабитель не будет вести себя настолько безумно. Если он сразу вошел вслед за своей жертвой и оказался у него за спиной, то вполне мог просто оглушить человека, а не перерезать ему горло... Дронго взглянул на стенку туалета. Кровь брызнула и сюда, а это значит, что убийца вполне мог испачкаться. Нужно будет обратить внимание на этот факт сотрудников полиции. И, судя по всему, убийство произошло совсем недавно. Кровь только начала остывать и сворачиваться, минут десять или пятнадцать назад, да и само тело еще теплое.

Кто-то вошел в помещение. Дронго поднялся, вышел из кабинки. Вошедший незнакомец удивленно уставился на него.

– Извините, – вежливо сказал Дронго по-английски, – но вам лучше выйти.

– Почему? – не понял незнакомец, а потом достаточно грубо пошутил: – Вы хотите занять одновременно все кабинки?

– Здесь произошло убийство, – спокойно пояснил эксперт.

Мужчина сделал несколько осторожных шагов и, увидев убитого, неожиданно поперхнулся, закашлялся и схватился за живот. Затем бросился к раковине, его вывернуло буквально наизнанку.

– Извините, извините, – бормотал он, наклонившись над раковиной. Наконец поднял лицо, жалобно посмотрел на Дронго и спросил, словно все еще не веря в случившееся: – Его убили?

– Да, – кивнул Дронго, – несколько минут назад. Его зарезали.

– Какой кошмар! – всплеснул руками неизвестный. – Я не знаю, кто это такой, понятия не имею. Можно, я уйду, чтобы не связываться с полицией? Я вас не выдам, честное слово.

– Это не я его убил, – мрачно ответил Дронго. – Но уйти отсюда вы сможете только в том случае, если покажете мне свои документы.

– Что?!

– Документы. Я должен увидеть их, чтобы убедиться в вашей невиновности.

– Да, да, конечно. – Мужчина торопливо достал водительское удостоверение.

– Ральф Альбринг, – прочел Дронго имя и фамилию неизвестного. – Вы работаете на ярмарке? – спросил он, возвращая документы.

– Нет. Я приглашенный эксперт.

– Эксперт? – удивился Дронго. – По каким же проблемам?

«Неужели и этот незнакомец, которого так выворачивает наизнанку от одного вида убитого, может быть экспертом по преступности?» – несколько озадаченно подумал он.

– Наше издательство из Дрездена будет проводить презентацию альбома по парковому искусству народов мира, – пояснил Альбринг, – а я – эксперт по парковому дизайну.

– Понятно, – улыбнулся Дронго. – Вам действительно лучше уйти, чтобы не иметь неприятностей с полицией.

– Вы меня отпускаете? – удивился дисциплинированный немец.

– Конечно. Идите...

Альбринг сделал два шага по направлению к выходу и неожиданно обернулся:

– Почему вы меня сразу отпускаете? А если я причастен к этому преступлению?

– Тогда это убийство не было бы для вас такой неожиданностью, и вы отреагировали бы гораздо спокойнее, – заметил Дронго, показывая на раковину.

– Да, конечно, вы правы, – чуть покраснел Альбринг, – извините меня еще раз. Я лучше пойду, – и быстро вышел из помещения.

«Обязательно пойдет в полицию, – добродушно подумал Дронго. – Немцы – люди аккуратные и пунктуальные. Достаточно неправильно где-то припарковаться или нарушить правила дорожного движения, и вы сразу увидите добродушную старушку, которая записывает номер вашей машины, чтобы сообщить об этом в полицию. Для бывших советских людей это называлось плохим словом «стукачество». Для немцев это обычная практика сотрудничества добропорядочных граждан со своей полицией. Дронго вспомнил, как переехавший в Нюрнберг его двоюродный брат рассказывал ему о первых днях, проведенных на немецкой земле. Когда однажды вечером они вместе с детьми сделали немного громче звук телевизора, чтобы вместе посмотреть популярную программу, к ним сразу постучались сотрудники полиции. Оказывается, соседи мгновенно отреагировали на шум и вызвали патруль.

На следующий день двоюродный брат встретил этого соседа и обратился к нему с вопросом:

– Зачем вы вызвали полицию? Вы могли просто постучаться ко мне, и я сразу бы убавил звук телевизора, если он вам так мешал.

– А зачем мне вас беспокоить? – искренне удивился сосед. – Я сразу позвонил в полицию, чтобы они приехали.

Они так и не поняли друг друга. И Дронго не сомневался, что добропорядочный специалист по парковому дизайну Ральф Альбринг обязательно сообщит в полицию об убийстве и неизвестном иностранце, который разговаривал с ним по-английски.

Через минуту в помещение буквально ворвались сразу несколько человек вместе с Дюнуа. Кроме самого профессора, здесь был Уотсон, а также трое неизвестных немцев, один из которых оказался руководителем службы безопасности книжной ярмарки Вольфгангом Грисбахом. Еще через несколько минут в помещении появились сотрудники полиции, затем приехала бригада экспертов, и, наконец, по-явился сам начальник городской полиции герр Хайнц Фюнхауф, который тепло поприветствовал Дюнуа, несмотря на прискорбные обстоятельства встречи. Он был выше среднего роста, уже седой, грузный, кряжистый; носил очки и страдал одышкой.

Им отвели специальную комнату для консультаций. Пока Фюнхауф ждал донесения экспертов, он успел познакомиться с Дронго, не скрывая своего хорошего отношения ко всем коллегам Дюнуа, и сообщил ему:

– Мы сейчас просмотрим все записи систем видеонаблюдения, но там, в коридоре, не было никаких камер. Кому придет в голову устанавливать их над входом в туалет или на служебных лестницах?

– Ты распорядился, чтобы фиксировали всех, кто выходит из павильонов? – спросил Дюнуа.

– Грисбах уже отдал приказ, как только мы узнали о случившемся. Но все равно все проходили через электронные турникеты, где фиксировался их выход, поэтому через два часа мы будем знать, сколько человек покинули ярмарку именно за те несколько минут, когда вы обнаружили убитого. А вы сами никого не видели у туалета?

– Видели, – ответил Дюнуа, – неизвестного молодого человека в кожаной куртке. Мне кажется, он был немного не в себе.

– Сумеете его узнать?

– Конечно.

– Я распоряжусь, чтобы вам показали все записи наших камер в залах четыре и четыре-один, – предложил Фюнхауф и добавил: – Хорошо, что вы оказались там в этот момент.

– Как будто нарочно, – вздохнул Дюнуа, – словно преступления ходят за нами по пятам.

– Я тоже об этом подумал, – поддержал его Дронго. – Но мне кажется, что дело не в том, что мы их к себе притягиваем, просто мы реагируем на все не совсем так, как обычные люди. Ведь любой посторонний, кто увидел бы подобную картинку, мог испугаться, сбежать или постараться не вмешиваться. А мы всегда оказываемся в эпицентре подобных проблем. Если хотите, виной тому наше равнодушие.

– Красивые слова, – снова вздохнул Дюнуа, – хотя, наверное, ты прав.

В комнату вошли двое. Один, очень высокий мужчина, который, казалось, ростом был даже выше самого Дронго, – Вольфганг Грисбах; и другой, чуть выше среднего роста, – инспектор Пауль Меглих.

– Что у вас? – обратился к ним начальник полиции.

– В кармане убитого нашли его документы, – сообщил Меглих. – Это Марк Ламбрехт, гражданин Германии, проживает в Майнце. Его супруга – Ева Ламбрехт, работает в канцелярии бургомистра Майнца, а он был частным предпринимателем, возглавлял небольшое издательство, состоявшее всего из восьми человек. Ему сорок шесть лет. Пока удалось узнать только это.

– Какой оборот у его издательства?

– Небольшой. Они занимаются выпуском пособий по строительству. Такие прикладные книжки. В издательстве работает только восемь человек.

– Это издательство было зарегистрировано для участия в книжной ярмарке? – мрачно поинтересовался Фюнхауф. – Где находится их павильон?

– Нет. Оно слишком маленькое, – ответил Меглих.

– Тогда как здесь оказался Ламбрехт?

– Пришел по приглашению книгоиздательской фирмы из Гамбурга «Баухауз». Они специализируются на выпуске книг по строительству и архитектуре, – пояснил Грисбах. – Сейчас мы найдем руководителя компании и пригласим к нам на беседу.

– Пригласите его ко мне, – решил начальник полиции. – Мои гости настолько опытные и известные эксперты, что, возможно, нам даже не понадобится проводить специальное расследование, – улыбаясь, добавил Фюнхауф.

– Он пришел сюда еще до открытия, – продолжал Грисбах. – Мы пытаемся проверить, с кем именно он мог контактировать, но для этого нужно просмотреть все записи с камер наблюдения. За один день мы можем не успеть.

– Введем данные на погибшего в компьютер и постараемся быстрее его найти, – предложил Меглих.

– Действуйте, – дал «добро» начальник полиции, – к вечеру у меня должны быть первые результаты.

Когда Грисбах и Меглих вышли, он взглянул на своих коллег и, словно размышляя вслух, спросил:

– Интересно, кому могла понадобиться смерть Ламбрехта, этого несчастного мелкого издателя из Майнца?

– Прикажи, чтобы нам принесли какие-нибудь сэндвичи, – попросил Дюнуа, – я ничего не ел с самого утра. Ждал обещанной встречи с тобой.

– Сейчас распорядюсь, – поднял трубку телефона начальник полиции.

В комнату вошли Брестед и сопровождавшая его фройляйн Зудхоф. Она представила американского издателя начальнику полиции, и Брестед сразу запричитал:

– Какое счастье, что с вами все в порядке! Наверное, убийца просто спутал вас с этой жертвой и случайно убил оказавшегося там посетителя, который не имел никакого отношения к нашим книгам... Фройляйн Зудхоф мне уже все рассказала.

– О чем вы говорите? – удивился Дюнуа. – При чем тут книги?

– Видимо, есть силы, которые не хотят презентации наших книг, – заговорщицки понизив голос, пояснил Брестед. – И они решили убрать вас, как руководителя группы авторов, чтобы сорвать презентацию. Я думаю, что мы так и дадим эту новость в газеты.

«Вот мерзавец, – весело подумал Дронго, – он даже из смерти неизвестного человека собирается сделать рекламу своим книгам».

Очевидно, так же подумали Дюнуа и Фюнхауф.

– Это убийство не имеет никакого отношения к презентации, – твердо заявил Дюнуа.

– А господин Брестед хочет, чтобы имело, – понимающе кивнул начальник полиции. – Все издатели немного похожи друг на друга, чтобы добиться максимальных тиражей, они готовы на любую рекламу, даже самую негативную.

– Но мне сообщили, что в помещении туалета, где произошло убийство, не было никого, кроме наших экспертов, – настаивал Брестед.

– Они случайно оказались в этом месте, – пояснил Фюнхауф, – и не нужно пока комментировать это преступление. Мы стараемся временно скрывать этот инцидент, чтобы не будоражить людей. Сейчас в павильонах ярмарки находится более семнадцати тысяч человек. Зачем создавать ненужную панику?

– Да, – уныло согласился Брестед, – я вас понимаю. Но никто не мешает нам усилить охрану наших экспертов...

– Безусловно, – согласился начальник полиции.

Брестед кивнул всем на прощание и в сопровождении Зудхоф вышел из комнаты. Тут же заглянул молодой полицейский и доложил, что пришла фрау Пельциг, директор и владелица издательства «Баухауз», пригласившая погибшего на ярмарку. Фрау Пельциг было лет сорок; светлые волосы, собранные под изящную заколку, мелкие черты лица, темные глаза, светло-коричневый брючный костюм. Она коротко поздоровалась, села на стул, глядя на троих мужчин, и сразу заговорила:

– Я не совсем понимаю, зачем меня сюда пригласили? Мне только сказали, что меня ждет начальник полиции герр Фюнхауф...

– Да, это я. А это мои коллеги из специального комитета экспертов ООН, – представил их начальник полиции. – Нам нужно с вами переговорить, фрау Пельциг.

– О чем?

– Об одном госте, которого вы пригласили сегодня на ярмарку.

– Каком госте?

– Речь идет о Марке Ламбрехте, руководителе небольшого издательства из Майнца, которому вы послали приглашение, – пояснил Фюнхауф.

– Ах, об этом, – поняла издатель. – Разве он уже приехал? Он должен был появиться еще утром, но так и не зашел на нашу экспозицию. Хотя я предполагала, что он уже здесь.

– Почему? – оживился Фюнхауф.

– Мы дважды получали письма из Майнца с предложением о сотрудничестве с его фирмой. Нетрудно было узнать, что у него небольшое издательство, занимающееся выпуском прикладной литературы для строителей. Он настойчиво предлагал свои услуги, даже прислал рекомендательное письмо из канцелярии бургомистра Майнца. Тогда мы решили пригласить господина Ламбрехта на ярмарку, чтобы понять возможности его фирмы, и послали ему официальное приглашение. Очевидно, он воспользовался этим приглашением, хотя до нас так и не дошел. Очень жаль: идеи, которые он выдвигал, были достаточно разумными и интересными и действительно заинтересовали нас.

– И вы его никогда не видели?

– Конечно, нет. Только переговаривались посредством Интернета. Он прислал нам свои данные, и мы пригласили его в качестве гостя на наш стенд. К тому же не забывайте, что у нас было письмо из канцелярии бургомистра Майнца. Для нашего издательства, специализирующегося на выпуске литературы по строительству и архитектуре, такая рекомендация – более чем весомая причина для беседы с господином Ламбрехтом.

– Значит, вы считаете, что он действительно хотел с вами встретиться? – переспросил Дюнуа.

– Разумеется, – убежденно произнесла фрау Пельциг, – это было выгодно и его компании. У него слишком маленькое издательство, которое не может даже взять нормальный банковский кредит. А мы, несомненно, могли бы ему помочь... Извините, я не совсем понимаю причины вашей заинтересованности в нашем приглашении. Любой желающий может заплатить за входной билет и войти на ярмарку когда захочет. Не думаю, что для этого нужно затрачивать столько усилий, вступать с нами в переписку, заручаться поддержкой канцелярии бургомистра Майнца... Достаточно просто купить входной билет.

Дюнуа быстро переглянулся с начальником полиции и сказал:

– Она права. Только непонятно, почему он не дошел до их зала.

– Значит, он все-таки уже на ярмарке? – неприятно удивилась фрау Пельциг.

– Да, он здесь, – мрачно кивнул Фюнхауф, – и примерно часа полтора назад его нашли убитым.

– И вы полагаете, что мы, я или мои сотрудники, можем иметь отношение к этому убийству? – нахмурившись, спросила она.

– Нет. Мы только хотели уточнить, зачем вы его пригласили. Теперь можете идти. Еще одна просьба. Если вы еще не стерли вашу переписку и то рекомендательное письмо, не могли бы вы перевести их на наш адрес?

– Конечно, могу. Мы ничего не стираем из нашей переписки и переносим все записи в наш архив. Я могу идти?

– Да, спасибо, – ответил начальник полиции.

Фрау Пельциг поднялась, сухо попрощалась и вышла из комнаты.

– Пустой номер, – прокомментировал Фюнхауф, – он даже не дошел до ее стенда. Значит, по дороге куда-то завернул.

– Тогда вся надежда на ваши видеозаписи и на компьютеры, – произнес Дюнуа.

– И еще надо выяснить насчет рекомендательного письма, – напомнил начальник полиции. – Может, его супруга совершила должностной подлог, послав письмо из канцелярии бургомистра?

В комнату внесли тарелку сэндвичей и несколько бутылок пива.

– Пусть принесут кофе, – попросил профессор. – Пиво мне нельзя, у меня диабет первой степени.

– А я его вообще не пью, – признался Дронго.

– Не эксперты, а какие-то праведники, – пробормотал Фюнхауф, приказав принести всем кофе с молоком.

В этот момент быстро вошел Грисбах.

– Мы нашли свидетеля, который видел и разговаривал с убийцей. Он считает, что тот был либо американцем, либо итальянцем, и говорил с ним по-английски. Это Ральф Альбринг, он сам обратился в полицию.

Дронго усмехнулся, так он и предполагал. Через пару секунд торжествующий Грисбах ввел уже знакомого ему Ральфа Альбринга. Тот вошел в комнату и сразу уставился на Дронго. Затем поднял руку и неожиданно закричал:

– Это он, он убийца! Я его узнал. Он был там, рядом с убитым, и не хотел меня отпустить!

– Успокойтесь, – недовольным тоном попросил Фюнхауф. – Вы видели, как этот человек убивал?

– Нет, я вошел уже после этого. И он разговаривал со мной на английском языке. Я его сразу запомнил, думал, что он уберет и меня, как ненужного свидетеля.

– Не беспокойтесь, это международный эксперт, который охранял тело убитого, чтобы к нему никто не подошел. Он ведь не подпускал вас, правильно?

– Да, он сразу предложил мне уйти.

– Понятно. Не волнуйтесь и не переживайте. Это наш человек, и мы проводим совместное расследование. Спасибо вам, герр Альбринг, за вашу информацию.

Начальник полиции проводил до дверей так и не пришедшего в себя от изумления Альбринга и, взглянув на руководителя службы безопасности, зло проговорил:

– В следующий раз вы найдете свидетеля против меня, который будет утверждать, что видел, как и я входил туда, причем несколько раз... Работайте лучше с записями камер наблюдения.

Грисбах молча вышел из комнаты, а вместо него на пороге появился инспектор Меглих.

– Мы уточнили все данные на Марка Ламбрехта. На самом деле это Марко Табакович, бывший гражданин Сербии. Женившись четыре года назад на Элеоноре Ламбрехт, он взял ее фамилию. Он серб, а не немец, – подчеркнул Меглих, – и получил наше гражданство только три года назад.

Все молчали. Фюнхауф посмотрел на своих коллег и в сердцах произнес:

– Вот вам и международное дело...

Глава 4

На часах было около пяти. Начальник полиции сообщил, что отправляет Меглиха вместе с сотрудниками прокуратуры в Майнц для беседы с супругой погибшего. Он поблагодарил Дюнуа и Дронго за помощь и пообещал по-явиться четырнадцатого на презентации двухтомника. В «Марриотт» они возвращались пешком, за ними следователи Уотсон и фройляйн Зудхоф, словно надзиратели за своими заключенными.

– Что вы обо всем этом думаете? – поинтересовался Дронго у своего пожилого коллеги.

– Понятно, что Ламбрехт не дошел до нужного ему издательства, – сказал Дюнуа, – значит, кого-то встретил. Возможно, кого-то из своих знакомых.

– Настолько «близко знакомых», что тот перерезал ему горло, как только они встретились? – спросил не без иронии Дронго.

– Похоже, что так. Между прочим, в двух залах, где мы побывали, немецких экспозиций не было, они находились в другом здании. Перепутать невозможно, тем более человеку, знающему немецкий язык. Значит, он сознательно прошел именно в другое здание, а там как раз представлены сербы, его бывшие сограждане. Полагаю, что нужно искать знакомых этого Ламбрехта-Табаковича среди них, – предположил Дюнуа.

– Я тоже об этом подумал, – согласился Дронго. – Он не случайно там оказался, и убийца мог быть человеком, который знал его по прежней жизни. Нужно проверить, чем именно занимался этот человек, когда жил в Сербии.

– Как ты это сейчас проверишь? – спросил Дюнуа. – Для этого нужно отправиться в Белград или сделать официальный запрос. Представляешь, когда придет их ответ? В лучшем случае через месяц. Что тоже не гарантировано – сербы не очень доверяют немцам и уж тем более не станут сотрудничать с ними в таком вопросе.

– У меня есть свои связи, – сказал Дронго. – Попытаюсь узнать быстрее, чем это сделает сам Фюнхауф.

Он вернулся в свой номер в «Марриотт», достал ноутбук и вошел в Интернет. Марк Ламбрехт зарегистрировал свою фирму в Майнце еще три года назад, сразу после того, как получил немецкое гражданство. Он родился 16 мая 1965 года в Сараево. Переехал в Германию шесть лет назад, через два года женился, а еще через год получил немецкое гражданство. Больше никаких сведений о нем не было. Дронго достал телефон и набрал знакомый номер генерала Обрадовича. Это был заместитель министра внутренних дел Сербии, с которым он однажды проводил совместное расследование.

– Здравствуйте, господин Обрадович, – начал Дронго, услышав знакомый голос генерала.

– Добрый вечер, – обрадовался генерал. – Как у вас дела, господин эксперт?

– Спасибо, неплохо. А вы как поживаете?

– Работаем, – засмеялся Обрадович. – У вас есть ко мне какое-то дело? Вы ведь не станете звонить только для того, чтобы узнать, как я живу? Вы слишком занятой человек.

– Вы, как всегда, правы, генерал, – согласился Дронго. – Мне нужна вся информация по вашему бывшему гражданину Марко Табаковичу, который затем уехал в Германию, сменил гражданство и фамилию, став Марком Ламбрехтом.

– Еще какие-нибудь данные на него есть?

– Конечно. Он родился шестнадцатого мая шестьдесят пятого года в Сараево. Достаточно?

– Думаю, да. Постараюсь узнать. Как быстро вам нужна эта информация?

– Как можно быстрее. Желательно уже сегодня.

– Куда передать?

– Сейчас я вышлю вам на телефон мой электронный адрес.

– Хорошо. Я попрошу вашего знакомого Орлича. Только сегодня может не получиться, у нас уже вечер, рабочий день закончился.

– Знаю, – сказал Дронго. – Я говорю из Франкфурта; кажется, в Германии и Сербии одинаковое европейское время.

– Да, – ответил Обрадович, – хотя бы в этом мы совпадаем с немцами. Но я постараюсь вам помочь. Если в наших компьютерах есть данные на вашего знакомого, то Орлич их быстро найдет.

– Передавайте ему привет.

– Хорошо. Между прочим, он перешел на работу в наше министерство и теперь является заместителем начальника управления, – сообщил Обрадович.

Дронго попрощался и отключил связь. На всякий случай он посмотрел сайт гамбургского издательства «Баухауз», которое действительно специализировалось на выпуске литературы, посвященной строительству и архитектуре. Уже поздно вечером он спустился вниз, чтобы поужинать, и увидел сидевшую в ресторане фройляйн Зудхоф. Она сидела одна, ковыряя вилкой в своей тарелке. Дронго вежливо поздоровался, проходя мимо, Мадлен подняла голову, взглянула на него и снова уткнулась в тарелку.

Он уже заканчивал ужинать, когда в зал ресторана вошел Уотсон. Сразу пройдя к столику Зудхоф, он уселся напротив и начал что-то ей недовольно выговаривать. Она его прервала, очевидно, сообщив, что в зале присутствует Дронго. Уотсон оглянулся на него, усмехнулся и продолжил, но уже гораздо тише и спокойнее. Почти все время говорил в основном именно он, тогда как его собеседница молча слушала этот монолог, опустив голову, словно была в чем-то виновата.

Дронго расписался, получив счет, и покинул зал ресторана. Поднялся в свой номер и на всякий случай решил проверить новые сообщения. Включив свой ноутбук и войдя в Сеть, он не поверил своим глазам – там уже было сообщение от Орлича. Закончивший исторический факультет Белградского университета, Марко Табакович работал в научных учреждениях Академии наук Боснии и Герцеговины, затем переехал в Белград. В девяностом году защитил диссертацию на тему этнокультурного многообразия Югославии и в том же году вышел из Союза коммунистов Югославии. В девяносто втором примкнул к отрядам Сербской республики в Боснии, даже стал командиром батальона. В девяносто восьмом перебрался в Сербию, где снова недолгое время работал в системе Академии наук, затем переехал в Венесуэлу. Вернулся через четыре года и почти сразу уехал в Германию, где позднее женился и получил гражданство, отказавшись от своего прежнего, сербского. Владеет сербским, английским, испанским и немецким языками. Чем именно он занимается в Германии и что делал в Венесуэле, не отмечалось. Дронго внимательно дважды перечитал сообщение. В заключение Орлич указал свой номер телефона для получения каких-либо справок, и эксперт решил перезвонить своему знакомому.

– Здравствуй, Павел, – начал он.

– Добрый вечер, господин Дронго, – обрадовался Орлич.

– Спасибо тебе за оперативность. Я получил подробную информацию на этого Табаковича. Только мне не совсем понятно, чем именно он занимался в девяностые годы, когда был командиром батальона?

– Воевал, как и вся Югославия, – ответил Орлич. – Тогда у нас была гражданская война. Все против всех. А он в составе воинских частей генерала Радислава Крстича располагался со своим батальоном в районе Жепы.

– Где? – переспросил Дронго, решив, что ему послышалось.

– Я понимаю, что это название несколько смешное, – усмехнулся Орлич, хорошо знавший русский язык, – и звучит не очень благозвучно. Но так назывался боснийский анклав рядом со Сребреницей. Тогда, в середине девяностых, там шли особенно ожесточенные столкновения

боснийцев с сербами, и Марко Табакович принимал в них участие. Дважды был ранен. Первый раз в ногу, поэтому немного хромотал, а второй раз в лицо, когда пулеметная пуля едва не вышибла ему глаз, пробив голову немного ниже. После этого ранения левую часть лица парализовало.

– У него могли быть враги?

– Сколько угодно. Но прошло столько лет... – напомнил Орлич. – Мы все стараемся забыть эти события пятнадцатилетней давности. Хотя наши западные союзники не дают их забывать.

– Он принимал участие в каких-то акциях против мирного населения?

– У нас таких данных нет. Сейчас в Гааге все проверяют и перепроверяют. Фамилии Табаковича среди тех, кого ищет международный трибунал и кто должен быть привлечен к уголовной ответственности, нет, я проверял по их запросам. А почему вы спрашиваете?

– Его зарезали во Франкфурте на книжной ярмарке сегодня утром, – сообщил Дронго.

Орлич немного помолчал, обдумывая услышанное, затем осторожно предположил:

– Необязательно, что это убийство связано с его службой в армии. Он несколько лет жил в Венесуэле, и нигде нет никаких сведений о том, что именно он там делал. Может, это его прежние латиноамериканские друзья?

– Эту версию тоже нужно будет проверить, – согласился Дронго. – Ты можешь узнать, кто приехал от Сербии на ярмарку? Мне хотелось бы ближе познакомиться с их руководителем.

– Сейчас узнаю, – пообещал Орлич, – и сразу перезвоню.

Он перезвонил через пятнадцать минут.

– Профессор Петр Брашован. Это известный в нашей стране специалист. Много лет был руководителем крупнейшего издательства «Геополитика». Сейчас заместитель министра.

– Можешь меня ему порекомендовать? Чтобы он, в случае необходимости, оказал мне некоторую помощь?

– Конечно. Но только завтра утром. Уже поздно, а профессору уже за семьдесят. Хотя он до сих пор работает.

– Спасибо, Павел. Ты мне очень помог. Если узнаешь еще какие-нибудь подробности о Табаковиче, сразу мне перезвони.

– Договорились. Обязательно позвоню. Я рад вам помочь, господин эксперт.

– Не забывай, что когда-то ты называл меня «товарищ эксперт». Так мне нравится больше.

– Хорошо, – рассмеялся Орлич, – я об этом помню.

Дронго еще раз внимательно прочитал сообщение, присланное ему из Белграда, и отправился в ванную принять душ перед сном.

Утром за завтраком он увидел Пьера Дюнуа.

– Что-нибудь удалось узнать? – поинтересовался тот.

– Они прислали мне подробное досье на этого Табаковича, – сообщил Дронго. – Он воевал во время гражданской войны, дважды был ранен, даже командовал батальоном. Потом уехал в Венесуэлу, где жил около четырех лет. Вернулся в Сербию и почти сразу эмигрировал в Германию. Вот такая интересная биография.

– Ты думаешь, всплыли его прошлые грехи?

– Больше похоже на месть, – предположил Дронго, – либо за участие в гражданской войне, либо за какие-то другие грехи в Латинской Америке.

– А сам как считаешь?

– Пока не знаю.

– Может, действительно это убийство связано с его темным прошлым и с бандитами из Венесуэлы? – задумчиво произнес Дюнуа. – Слишком характерный стиль, когда человеку перерезают горло; не очень похоже на югославские разборки, там все-таки часть цивилизованной

Европы. Скорее всего, это разборки наркомафии, такой характерный почерк колумбийских и венесуэльских наркодельцов. Нужно послать запрос и в Каракас, узнать, что там делал этот Табакович. Случайно в Венесуэле у тебя нет таких же хороших знакомых, как в Сербии?

– Нет, – улыбнулся Дронго.

– Зато у меня есть, – не без гордости проговорил Дюнуа. – Не забывай, что я много лет занимался как раз латиноамериканским направлением. Министр внутренних дел Венесуэлы нам подойдет?

– Думаю, что да, – уже громко засмеялся Дронго. – Если так пойдет дальше, то, пока герр Фюнхауф напишет свои запросы, мы уже будем знать все подробности жизнеописания погибшего серба.

– У него нет таких возможностей, как у нас с тобой, – заметил Дюнуа. – Правда, нужно звонить после двух часов дня, сейчас у них ночь; но в любом случае уверен, что он сумеет нам помочь.

– А вдруг Брестед вчера был прав? – неожиданно произнес Дронго. – Я понимаю, что он хочет продать как можно больше книг, даже несмотря на то, что все экземпляры, наверное, уже оплачены, но это убийство вполне могло быть связано с выпусками нашего двухтомника. Может, Табакович действительно пришел на ярмарку не для того, чтобы рассказывать о своей небольшой фирме, а чтобы встретиться с кем-то из нас и сообщить новые подробности о латиноамериканской наркомафии? Ведь о презентации книг было широко объявлено по всей Германии.

– Как ни парадоксально это звучит, но придется соглашаться с Брестедом, – усмехнулся Дюнуа. – Все равно нам нужно получить подтверждение из Каракаса. У меня скоро будет встреча с журналистами, а потом я постараюсь найти этого министра. Если понадобится, даже вытащу его из кровати. В общем, считай, что Венесуэла за мной.

– Спасибо, – кивнул Дронго.

Через час он уже входил в ближайшее к «Марриотту» здание ярмарки, в котором находились залы четыре и четыре-один. Офицеры полиции, стоявшие рядом с дежурившими сотрудниками службы безопасности, сегодня проверяли даже сумки с книгами. Дронго предъявил свой электронный пропуск, прошел на эскалатор, поднялся на второй уровень и сдал в гардеробе свой плащ. У туалета, где вчера произошло убийство, уже никого из полиции не было. Люди входили и выходили оттуда, но двое молодых людей, сидевшие в гардеробе, внимательно наблюдали за всеми, а над их головами работала новая камера, установленная, очевидно, сегодня утром.

Дронго прошел дальше, туда, где выставлялись бывшие югославские республики. За столиком сидела женщина в очках и читала книгу. Незнакомка была одета в черный свитер и серые брюки, на ногах изящные полусапожки. На вид ей около тридцати пяти. При его приближении она подняла глаза. «Странно, – мелькнуло вдруг у него в голове, – такое ощущение, что я где-то видел это лицо. Хотя у меня хорошая память и я не мог ее ни с кем спутать. С этой женщиной мы незнакомы. Но почему она так внимательно смотрит на меня и, судя по всему, даже узнает? Неужели мы с ней раньше встречались? Нет, этого не может быть, иначе бы ее запомнил. Хотя эти необычные раскосые глаза бирюзового цвета, темный цвет кожи... Она не очень похожа на обычную славянку».

– Здравствуйте, господин эксперт, – неожиданно проговорила по-русски женщина. – Я не думала, что смогу встретить вас в таком месте.

Глава 5

Дронго замер. Значит, он ошибался, и эта женщина его все-таки знает. Откуда? Он мучительно пытался вспомнить. Нет, никак. Но ее лицо ему определенно знакомо. Даже не само лицо, а его отдельные черты. Эта темная кожа, голубые раскосые глаза... Кого она ему напоминает?

– Не мучайте себя, – сказала незнакомка, снимая очки; очевидно, она надевала их только для чтения. – Вы меня никогда раньше не видели. И мы незнакомы. Но я вас хорошо знаю и, конечно, запомнила.

– Откуда? – удивленно спросил он.

– В прошлом году вы проводили расследование у нас в Сербии. О нем написали все наши газеты, вас показали по всем каналам нашего телевидения, и ваш портрет был опубликован почти во всех глянцевого журналах. Ваша по-пулярность бежит впереди вас.

– Я этого не знал, – честно признался Дронго. – Зато теперь буду знать, что в Сербии так растиражирован мой образ.

– Более чем, – ответила она, – и поэтому я вас сразу узнала. Не узнать такого колоритного господина просто невозможно. Слишком хорошо запоминающийся образ – а я запомнила вас на всю жизнь.

– Спасибо, – кивнул он.

– Напрасно вы меня благодарите, – неожиданно произнесла женщина, – я бы с удовольствием вычеркнула вас из своей жизни. И вообще хотела бы, чтобы вы никогда не появлялись в нашей стране и не проводили своего расследования. Вы принесли столько горя моей семье...

Он замер. Кажется, только вчера Дюнуа говорил ему о том, скольким людям он помог, а вот горя еще никому не приносил. Кто все-таки эта женщина?

– Простите, – несколько озадаченно заговорил Дронго, – я вас не совсем понимаю.

– И не поймете, – ответила она, откладывая книгу. Это был новый роман Умберто Эко. Не каждая женщина рискнет взять в руки подобное произведение. Она рискнула, что указывает на ее высокий интеллект.

– Я всего лишь эксперт по расследованиям, – сказал он, – и моя задача облегчать жизнь людям, помогая им, а не причинять им горе. Вы можете объяснить более внятно? Может, я каким-то образом действительно ненамеренно обидел кого-то из вашей семьи?

– Вы сделали все сознательно и с чувством исполненного долга, – возразила она. – Вам, наверное, нравится чувствовать себя в роли охотника, который с таким удовольствием загоняет свою жертву под лай охотничьих собак и добывает ее последним выстрелом.

Дронго даже посмотрел по сторонам, словно ища того, о ком она говорила.

– Ничего не понимаю, – признался он, – может, вы меня все-таки просветите? Как вас зовут?

– Мое имя вам ничего не скажет. Я – София Милоевич.

– Действительно ничего. Но какое горе я мог принести вашей семье, если впервые слышу вашу фамилию?

– Зато вы хорошо знаете фамилию моей старшей сестры. Видрана Петкович. Ну как, вспомнили?

Теперь все стало ясно. В прошлом году он проводил одно расследование в Сербии по поводу загадочной гибели вице-премьера правительства, происшедшей в загородном доме во время переговоров с представителями бывших югославских республик. Сербские следователи подозревали охранника. Но Дронго удалось убедительно доказать, что в организации убийства и его исполнении участвовали помощник вице-премьера Драган Петкович и его супруга Вид-

рана, с помощью которой Петкович и организовал убийство своего шефа, получив деньги от зарубежных спонсоров, заинтересованных в срыве переговоров.

Петкович получил двенадцать лет тюрьмы за убийство, а его супруга отправилась в тюрьму на шесть лет. Конечно, он помнил ее лицо. Эти раскосые голубые глаза, необычный темный цвет кожи... У Видраны мать была итальянкой, а бабушка со стороны отца – австрийкой. От матери ей достались черты лица, фигура балерины и оливковый цвет кожи, а голубые глаза передались от бабушки-австрийки. Теперь же перед Дронго была младшая сестра Видраны. Естественно, они ненавидели его, считая виновным в несчастьях их семьи. Поэтому с какой-то печалью в голосе Дронго спросил:

– Вы действительно считаете меня виноватым в том, что произошло?

– А кого еще? – нервно бросила она.

– Только не меня. Разве можно обвинять врача в том, что он нашел у вас тяжелую болезнь?

– Вы не врач, а палач, – убежденно возразила София. – Вы присвоили себе право решать, кто виноват, а кто нет. И ничего не зная об истинном лице погибшего, вы обвинили мою сестру и ее мужа. А если ее муж защищал честь своей супруги, если ему были неприятны эти вечные недомолвки за его спиной, нескрываемое желание его шефа переспать с его супругой? Вы считаете это нормальным? Но суд не принял во внимание эти доводы, и несчастный Драган получил двенадцать лет тюрьмы.

– Значит, вы ничего не знаете, – тяжело вздохнул Дронго. – Очевидно, где-то на самом верху было принято решение не сообщать обо всех фактах, и вам известна только внешняя сторона этого преступления. Только то, что вам всем было позволено узнать. Видимо, сам Петкович сумел договориться об этом со следователями уже после моего отъезда. На самом деле все было совсем не так.

– Они сидят в тюрьме, а вы гуляете по книжной ярмарке... – горько проговорила София. – Что именно я сказала не так?

– Он убил не потому, что защищал честь своей супруги, – пояснил Дронго. – Эту версию он придумал для своей защиты, а следователи и судьи в Белграде, очевидно, посоветовавшись с руководством, решили принять ее за официальную версию. И именно поэтому муж вашей сестры получил только двенадцать лет. Дело в том, что это было не просто убийство в состоянии аффекта или ревности, а продуманная акция, очень тщательно спланированное убийство, приманкой в котором стала ваша сестра. И мне удалось доказать, что за это убийство Драгану хорошо заплатили.

– Не смейте так говорить! Он защищал честь жены! – воскликнула София.

– Я говорю правду. Вы можете узнать все у своей старшей сестры, – вздохнул Дронго. – Подумайте сами, зачем мне лгать? Полагаю, что официальные власти в Белграде в который раз не захотели портить отношения с кем-то из своих соседей, предпочитая не обнародовать истинных причин смерти вице-премьера.

– Я вам не верю.

– И тем не менее я сказал правду. Вы не знаете, как мне найти руководителя вашей делегации господина Брашована?

– Он сейчас в пресс-центре, – нехотя ответила София.

– Спасибо. Извините меня еще раз...

– Подождите, – остановила она его, поднимаясь со стула, – вы действительно сказали сейчас правду?

– Да. Ему заплатили, и достаточно хорошо. Он был непорядочным человеком, госпожа Милоевич, и для достижения своих целей использовал свою жену, вашу сестру. Извините, что я вынужден говорить вам такие страшные вещи. – Дронго отошел от стенда, оставив молодую женщину одну.

В пресс-центре было многолюдно, и ему пришлось достаточно долго искать профессора Брашована, пока наконец он не увидел этого лысого господина, сидевшего в четвертом ряду. На вид ему было около пятидесяти. Подвижный, живой, энергичный, он все время улыбался.

«Известное свойство лысой головы, – в который раз подумал Дронго. – В молодости вы кажетесь гораздо старше своих лет, а в преклонном возрасте – гораздо моложе из-за отсутствия седых волос».

Он подсел к профессору и представился на английском:

– Доброе утро, господин Брашован. Я – международный эксперт. Меня обычно называют Дронго.

– Знаю, знаю, – улыбнулся профессор, пожимая ему руку, – меня уже предупредили о вашем появлении. Очень рад. Говорят, что именно вы блестяще провели расследование убийства нашего вице-преьера.

– Я только помогал вашим сотрудникам, – ответил Дронго.

– Ваша скромность делает вам честь. Чем могу быть полезен?

– Вы говорите по-русски?

– Да, разумеется. Хотите перейти на русский? Вам сложно говорить по-английски?

– Нас могут услышать. Английский сейчас знают практически все, а если мы будем говорить на русском, нас немногие поймут.

– Согласен, – усмехнулся Брашован, переходя на русский, и повторил: – Чем могу вам помочь?

– Сколько человек с вами приехало?

– Восемь.

– Вы можете дать список вашей делегации?

– Конечно. Он у меня в папке, которая осталась у стенда нашей экспозиции. Когда мы туда вернемся, я дам вам этот список.

– А другие бывшие югославские республики сюда приехали?

– Да, и находятся рядом с нами. Каждая республика теперь – независимое государство, и каждая хочет доказать, каким богатым интеллектуальным наследием она обладает. Приехали все – хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы; даже Косово представило свою экспозицию.

– А Босния и Герцеговина?

– Тоже приехали. Я же говорю – здесь все. Для них это не просто литературные встречи или книжная ярмарка. Это большая политика.

– И где можно получить список делегации?

– Полагаю, что здесь, в пресс-центре. Но там указаны только официальные лица. В нашей делегации таких четверо: я, госпожа Милоевич, как руководитель самого крупного белградского издательства, господин Михалич, руководитель издательских программ нашей Академии, и сотрудник нашего министерства. Остальные четверо не входят в официальную делегацию. Это помогающие нам сотрудники разных издательств. Полагаю, похожая картина будет и в других делегациях. А почему вас так интересуют именно бывшие югославские республики?

Дронго наклонил голову и очень тихо сообщил:

– Вчера на ярмарке был убит бывший гражданин Сербии, и мы полагаем, что это убийство из мести. Кто-то решил таким образом свести с ним счеты.

– Ну, только не книгоиздатели, – добродушно усмехнулся Брашован. – Мы – книжники, среди нас сложно найти убийцу. Не тот тип людей, не те образцы, не те характеры... Разве может быть убийцей интеллектуал, который любит читать книги?

– Вы не поверите, профессор, если я скажу, что таких очень много.

– Жаль, – пробормотал Брашован. – Мне казалось, что книги в любом случае делают человека лучше, чище, благороднее. И хороший читатель никогда не может быть плохим человеком.

– Еще как может, – добил его Дронго, – интеллект и нравственность не всегда совпадают. Достаточно вспомнить, сколько немецких ученых работали на Гитлера. А среди фашистов были очень образованные люди. Я уже не говорю о том, что гитлеровский режим поддерживал даже Кнут Гамсун, нобелевский лауреат по литературе.

– Какие ужасные вещи вы говорите! – взмахнул руками Брашован. – Даже слушать страшно. Наш список я вам, конечно, дам, а остальные списки вы можете попросить у руководителей других делегаций. Вы считаете, что среди нас действительно может быть убийца?

– Такой вариант не исключен, – подтвердил Дронго.

– Какое ужасное время, – тяжело вздохнул Брашован, – человечество упрямо не хочет умирать. Это всегда так обидно...

– Значит, я могу подойти к вам немного попозже и взять у вас список?

– Конечно, можете.

– И последний вопрос. Вам ничего не говорит имя – Марко Табакович?

– Табакович? – переспросил профессор. – Нет, ничего не говорит, в первый раз слышу. Очевидно, убили этого Табаковича?

– Да, именно его.

– Нет, я слышу его фамилию впервые в жизни. Может, узнать у кого-то из наших?

– Ни в коем случае, это может быть опасно. Никого не расспрашивайте о Табаковиче, – попросил Дронго.

– Хорошо, – согласился Брашован, – если вы так говорите...

Дронго поднялся и отошел с чувством некоторой неудовлетворенности. Он вернулся в зал четыре-один, чтобы еще раз пройти к сербской экспозиции, и вдруг увидел стилизованную «Девичью башню», построенную художниками для экспозиции Азербайджана. К нему шагнул невысокий мужчина в темном костюме.

– Вам нравится наша экспозиция? – спросил он по-азербайджански.

– Да, – кивнул Дронго. – Мне кажется очень оригинальным сделать такую башню на книжке ярмарке, тем более что она уже давно стала настоящим символом Баку.

– У нас много книг по истории города и его архитектуре, – показал незнакомец, – можете заходить когда вам удобно. Посмотрите наши книги. А пятнадцатого у нас будет презентация.

– Обязательно зайду, – пообещал Дронго. – Вы не знаете, где находится павильон Боснии и Герцеговины?

– Знаю. В соседнем ряду, через четыре павильона от нас. Возьмите мою визитную карточку. Меня зовут Керим, я директор самой большой государственной библиотеки в Баку и руководитель делегации нашей республики.

– Очень приятно. А вы незнакомы с руководителем делегации Боснии и Герцеговины?

– С Халилом Иззетом? Конечно, знаком. Он прекрасный человек, хороший поэт и публицист. А почему вы спрашиваете?

– Я бы хотел познакомиться с этим поэтом.

– Идемте, – радушно предложил Керим, – я готов вас познакомить. Простите, а вы сами из Баку?

– Я большей частью живу в Москве и в Италии, – ответил эксперт. – Меня обычно называют Дронго.

– Но вы наш соотечественник, – настаивал Керим.

– Конечно.

– Так приятно встретить на этой ярмарке своего соотечественника, – с чувством сказал Керим, пожимая руку Дронго. – И чем вы занимаетесь? Пишете книги? Или издаете их?

– Скорее пишу, – немного подумав, ответил Дронго.

– Очень достойное занятие, – одобрил его Керим. – Чтобы писать хорошие книги, нужно иметь светлую голову и быть совестливым человеком. Идемте, я вас сейчас познакомлю.

За небольшим столиком сидел мужчина лет сорока пяти с растрепанными седыми волосами, в очках, с легкой двухдневной щетиной. Он был одет в джинсы, байковую рубашку и серый пиджак. Мужчина что-то оживленно писал; возможно, именно здесь и именно в этот момент на него снизошло вдохновение.

– Господин Халил Иззет, – немного торжественно сказал по-турецки Керим, – позвольте вас познакомить с нашим соотечественником и писателем господином Дранга.

Дронго не стал поправлять своего нового знакомого. Халил Иззет поднялся и, церемонно поклонившись, пожал ему руку. Затем снова уселся на стул, продолжая что-то писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.